

Эпиграф: «гражданины здесь не проживают,
и персоны тут не зарегистрированы» (с) мужик,
за которым пришли

ЧАСТЬ 1

ЧЕМУ НАУЧИЛА НАС ТРАГЕДИЯ У ШЕКСПИРА “РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА”?

Я думаю, что Ромео и Джульетта были не правы. Ромео разлюбил свою другую девушку, и Джульетту он так же разлюбил бы со временем. А так он умер, и все. В жизни у каждого может быть не одна любовь, не стоит из-за этого умирать. Выдавать девушек силой замуж в 14 лет — это тупость.

Сергей Г.

Мне жалко всех героев, но особенно мне понравился Меркуцио. Жаль, что его убили. Веселый парень, шутил, смеялся и погиб из-за ерунды. И девушки у него не было. Ромео и Джульетта любили друг друга, им было из-за чего умирать, а он просто умер. Такие, как этот Тибальд, все время только портят всем жизнь. Ромео правильно его убил, потому что надо останавливать борзых [зачеркнуто] наглых людей.

Влад Яковлев

Я думаю, что смысл трагедии «Ромео и Джульетта» в том, что однажды ты встречаешь человека, ради которого можешь даже умереть. Ты ничего не боишься, влезает в чужой сад, куда-то там бежишь и что-то делаешь такое, чего вообще никогда бы не подумал, что сделаешь. Становишься смелым и не боишься даже смерти. Все люди рано или поздно умрут, не понимаю, почему все так держатся за жизнь? Тебя могут убить

на войне или грохнуть какие-нибудь бандиты [зачеркнуто] или собьет машина [зачеркнуто] а умереть из-за того, что тебя разлучают с тем, кого ты любишь, по моему [пропуск]

Я считаю, что «Ромео и Джульетта» — великое произведение о любви. В нем много настоящих чувств и есть отображение правды.

Андрей К.

Я думаю, что в том, что произошло с Ромео и Джульеттой, виноваты их родители — Монтекки и Капулетти. Они вели междоусобную войну по неизвестным причинам. Этот раздор длился много лет. Гибли люди. А влюбленные показали своим семьям, как ужасна вражда. Ценой своих жизней они примирили две враждующие семьи. Заставили всех людей задуматься о том, что любовь и добро главнее зла и ненависти, что надо прощать друг друга и жить в мире, а не вести постоянную войну. Очень жалко, что для того, чтоб люди что-то поняли, нужно, чтоб обязательно кто-то погиб.

Луиза Извозчикова

Человека можно полюбить, даже если его любить нельзя. Если даже тебе говорят, что он плохой, что он какой-то не такой, что тебе не стоит с ним общаться. Можно полюбить человека за одну секунду, потому что, как пишет Шекспир,

Ее сиянье факелы затмило.
 Она, подобно яркому бериллу
 В ушах арапки, чересчур светла
 Для мира безобразия и зла.

Когда видишь такого человека, то уже неважно, что он из враждебной семьи и что тебе запрещают его

любить. Я думаю, Шекспир хотел показать, что нельзя запрещать любить.

Лола Ш.

В гибели Ромео и Джульетты виноваты родители и их конфликт. Не надо было вести междоусобную войну.

Мать Джульетты ведет себя неправильно. Нельзя выдавать девушек замуж силой. Джульетта была бы несчастлива с Парисом, она его совсем не любит. А родителям все равно. Одна кормилица ее жалеет, как бабушка. [зачеркнуто]

Я думаю, что [зачеркнуто] Шекспир стремился показать, что [недописано]

Зато в их жизни была любовь, настоящее красивое чувство, а можно прожить сто лет и не любить никого, только есть и спать. Никому не нужна такая жизнь. Поэтому мне понравилась трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта».

Олеся Скворцова

Полина нарисовала капустообразную розочку и написала:

Джульетта говорит, что роза пахнет розой, розой назови ее или нет. Вот вам роза от меня! Было бы интересно, если бы действительно можно было бы назвать розу другим именем — и она стала бы пахнуть по-другому. Типа называешь ее как-нибудь уруфка, и она пахнет как-то совсем-совсем необычно. Как ничто другое.

Мне очень жаль Ромео и Джульетту, их маму и папу и всех других людей из этой книги.

Олег списал абзац из учебника и сделал три ошибки.

СЛОВА

Полина знала, что ей придется уйти.

Совсем маленькой, только научившись говорить, она стала впускать в себя те другие слова — взрослые говорили: сочинять. Ей казалось, что те, другие слова просто появляются у нее в голове, там же, где живут слова прочие, выученные раньше, растут, как грибы у крыльца, беловато-коричневые, ломкие, со злым запахом.

Полина была уверена, что все должны понимать те другие слова, потому что она их понимает. Говорила:

— Мама, на тартуфке растет уруфка! (Под окнами, на клумбе, распустилась бледно-желтая роза; откуда там этот куст — неизвестно, уж точно не мать посадила: не до того ей.)

Мать спрашивала:

— Что? Не понимаю...

Полина говорила:

— Зыфрики играют! (Кузнечики стрекочут.)

Мать возмущалась:

— Говори нормально!

Полине было обидно за те другие слова, и она плакала. А потом решила прятать их в себе до случая, знала: слова пригодятся. Да, часть их умрет в неволе, высохнет, как муха между оконными рамами, но какие-то все-таки сохранятся и потом, в нужный момент, прозвучат, пойдут неуверенно, как на слишком высоких каблуках, оглядываясь и смущаясь, туда, где их всегда ждали...

Первого папу, которого Полина запомнила, звали папа Саша. Потом были папа Коля и папа Андрей, а дальше уже на «папу» Полину не вынуждали: она выросла и понимала, что перед ней очередной отчим.

Папа Саша Полинку любил бодрой, неглубокой любовью, без примесей чего-то плохого (про плохое она знала: оно случится, если кто-то захочет заглянуть к тебе в трусики или если наступишь ногой на стык плит, которыми вымощена дорожка, или если ночью посмотришь в зеркало). Поля его тоже любила. Папа Саша любил читать газеты. У него были короткие, стриженные ежиком седые волосы, почти прозрачные глаза, которые он всегда щурил, как от солнца, и привычка держать между зубами спичку, перекатывая ее из одного уголка рта в другой. Дома папа Саша всегда ходил в белой майке и темно-синих штанах. По крайней мере, таким Поля его запомнила. Он ушел, когда ей было лет пять, так что она могла и перепутать. Именно папа Саша заметил, что его падчерица легко запоминает то, что ей говорят, слово в слово. Когда вся семья смотрела телевизор, особенно новости, Полина любила повторять все, что говорила диктор. Маму это злило, и она шикала на дочь, а папа Саша смеялся. Потом он стал разучивать с Полиной статьи из газет. Особенно ему нравилась криминальная хроника. Полина, водруженная на табуретку, вещала, как радио:

— Сегодня в девять часов вечера на улице Пролетарской было совершено разбойное нападение. Двое неизвестных напали на работника завода Гидроэлектропривод, пырнув его ножом в живот. Пострадавший скончался на месте от большой кровопотери. Представители правоохра-

нительных органов утверждают, что подобные преступления стали не редкостью для этого района, и подчеркнули, что ими будут приняты решительные меры для урегулирования ситуации...

Полина тарабанила текст легко и свободно, а папа Саша с мамой хватались за животы от хохота.

— Ой... ой, не могу! Во дает! Как там? Представители правоохранителей? Я-то сам еле выговорю, а она так и чешет, так и чешет! А я ведь всего два раза ей это вслух прочитал!

— Вот дает девка! И в кого, скажи? Вроде папашка ее был дурак дураком, да и я еле школу окончила... Полька, а Полька, ты в кого такая? Может, в роддоме подменили тебя? — смеялась мама. — Да нет, вроде моя порода: нос наш точно... и улыбка наша!

Поля смеялась вместе с мамой, тем же самым смехом, только в детской версии. Поля была вся их — мамина и пап Сашина, никто ее не подменял.

После того как папа Саша ушел, криминальную хронику Полина больше не читала. Папа Коля был скучный и Полину вообще не замечал. К нему иногда приходили другие мужики, они вместе сидели и пили, а мама приносила им с кухни вареную картошку в большой эмалированной миске.

Когда мама родила Егорку, папа Коля исчез. Вначале они с мамой долго орали друг на друга, особенно по ночам, потому что Егорка много плакал, а папа Коля кричал, что ему рано вставать на работу. Мама кричала, что ей тоже вставать, а он вообще алкаш, так что молчал бы. А Егорка кричал, что у него болит живот, что ему неудобно лежать, что он не понимает, как так вышло, что он оказался здесь, ведь ему обещали что-то хорошее

и красивое — но тот, кто обещал, не отвечал, поэтому приходилось Поле. Она подходила к его кровати, смотрела на него сквозь прутья и говорила с ним, доставая из головы самые тайные слова, неслышные. А мама кричала:

— Польшка, не лезь хоть ты под руку, иди спать, бога ради! Тебе в сад скоро вставать!

Вставать Поле не нравилось ужасно, потому что было темно и все те злые, которых много в темноте, дразнились, подхихикивая: «Нет тебе снов, нет тебе слов». Полина старалась их не замечать, потому что обычных слов они не понимали, а тратить на них сокровища — жирно будет, как говорила мама, когда Поля тянулась вилкой за второй котлеткой. В садике ей нравилось. Она хотела играть со всеми — с детьми, с игрушками, с воспитательницей, с местным растрепанным и вечно недовольным домовым. Детям нравилось, что Поля умеет рассказывать всякое подслушанное — у посторонних и потусторонних. Дети ничего не понимали, но им казалось, будто они украли у взрослых что-то очень ценное, отбежали на безопасное расстояние и дразнятся, а взрослые никак не могут этого отобрать и только ругаются от досады. Больше всего Поле нравилось играть с Владом, которому нельзя было бегать. Они строили города из песка и рисовали карты волшебной страны.

— А как мы туда попадем? — спрашивал он.

— Просто будем идти и идти, — говорила Поля. — У тебя волшебная нога. Она приведет. А я буду с тобой за компанию!

Влад ничего не понимал, но, как и всякий человек, пусть и маленький, веровал в абсурдное, а потому готовился идти и идти, вперед и вперед.

Перед новогодним утренником Полина быстро выучила слова за всех, даже за воспитательницу, и так старательно суфлировала, что затмила собой даже Деда Мороза, которого играл дворник Михалыч. Но если в детском саду Поля блистала, то в школе ей пришлось сложнее: букв было слишком много, и они, в отличие от слов, оказались настроены недружелюбно, как городские дети-задаваки, которые не хотят играть с такими, как она, «с Балбесовки». Поле не нравилось, что буквы постоянно вертелись в разные стороны и не хотели смотреть друг на дружку. Например, эти две дурочки «б» и «в», которые почему-то стояли друг за другом («б» буравила взглядом затылок «в»), вместо того чтобы развернуться лицом к лицу и вместе сесть пить чай (тем более что вместо стола можно взять букву «т»).

Полина не любила писать, ее буквы выходили мятыми и звучать должны были как жеваная магнитофонная лента. Конечно, она все-таки научилась читать, писать и перебираться из класса в класс — благо память легко позволяла зазубривать даже то, чего она не понимала — правда, и забывала Полина легко и навсегда, как будто все прочитанное, как поезд на железнодорожной станции «Сортировочная», стояло у нее в голове каких-то две-три минуты, а потом уносилось вдаль, стуча колесами и гудя «ту-ту!».

Но не все можно вызубрить — существует еще и математика. Для того чтобы понять ее, нужно было открыть в голове заветную дверку, а Полина не могла этого сделать: тогда оттуда сбежали бы остатки тех других слов, запертых до особого случая. Так что с математикой у Полины не ладилось,

но это их обеих (и Полину, и математику) не слишком печалило (печалило разве что Кторию Санну, математичку, носившую химическую завивку, очки в толстой оправе и пушистые мохеровые свитера). У Влада, с которым Полина училась в одном классе и сидела за одной партой, с математикой дела обстояли не лучше, поэтому они с Полиной развлекались тем, что читали учебник по алгебре, заменяя все существительные словом «жопа», так что у них получалось: «Начертите жопу ABCD. Проведите жопу к жопе АВ», и они ухохатывались, утыкаясь лицами в парту. На литературе Полина всегда с выражением читала стихи, что очень нравилось Ольге Борисовне, их учительнице, высокой и худой даме в черном, из-за чрезмерной экспрессивности постоянно махавшей, как мельница, тонкими руками в узких рукавах.

Когда они в седьмом классе ставили отрывок из «Ромео и Джульетты», Борисовна даже выбора не оставила, сказав:

— Полина, ты Джульетта!

Полина спросила:

— А можно, Лола тоже кем-то будет?

Тогда Полина уже дружила с толстой Лолой Шараповой (к глубокому, очень глубокому разочарованию Влада, который ничем этого не показывал, предпочитая гордо страдать молча).

— Пусть будет кормилицей.

Влад хотел играть Ромео, но Ольга Борисовна воспротивилась:

— Мелковат. Джульетта на полголовы выше. — И назначила на роль Ромео Андрея Куйнашева. Наверное, потому что у него было вечно серьезное лицо, а Ромео предстояло умереть. Так